

КАК ВАМ ЭТО ПОНРАВИТСЯ

1599–1600, выдержки Дятлова Н. С. от 06.02.2026, 1–10/105=90%

1. **Оливер:** Ты здесь что делаешь? **Орландо:** Ничего. Я ничего не умею делать — не научили.
Оливер: Так ты что-нибудь портишь здесь?
2. **Оливер:** Добрый monsieur [*господин*] Карл, какие новейшие новости при новом дворе?
Карл: Никаких новостей при дворе, кроме старых новостей: то есть старый герцог изгнан своим младшим братом, новым герцогом; трое или четверо преданных вельмож отправились с ним в добровольное изгнание. Их земли и доходы обогащают нового герцога, вследствие чего он и не препятствует им странствовать.
3. **Карл:** Говорят, что он уже в Арденнском лесу, вместе с несколькими веселыми товарищами, и что там они живут, как Робин Гуд английский. Говорят, что с каждым днем к нему прибывает много молодых дворян и что они проводят время безмятежно, живя так, как жили когда-то в золотом веке.
4. **Оливер:** Знаешь ли, Карл, — это упрямейший мальчик во Франции, полный честолюбия и завистливый соперник всякого человека с достоинствами; он тайно и гнусно злоумышляет против меня, своего родного брата.
5. **Оливер:** Теперь надо раззадорить этого молодчика. Надеюсь, что увижу его конец, потому что моя душа, сам не знаю почему, ненавидит его больше всего на свете. А между тем он кроток, учен, хотя ничему не учился, полон благородства, любим всеми сословиями до безумия и действительно так пришелся по сердцу всем, и особенно моим людям, которые знают его лучше, чем кто бы то ни было, что через это они меня почти ни во что не ставят. Но это продлится недолго. Этот атлет уладит все дело. Мне остается только зажечь мальчишку, и я сейчас же примусь за это.
6. **Розалинда:** Милая Целия, я и то кажусь веселою сверх силы, а ты хочешь, чтоб я была еще веселее? Если ты не можешь научить меня, как забыть изгнанного отца, то нельзя требовать, чтобы я могла предаваться особому веселью.
7. **Целия:** Из этого я вижу, что ты не любишь меня так, как я люблю тебя. Если б мой дядя, твой изгнанный отец, изгнал твоего дядю, моего отца, но при этом ты осталась бы неразлучно со мною, я приучила бы мою любовь смотреть на твоего отца как на моего. Точно так же поступила бы и ты, если бы твоя привязанность ко мне была так же искренна и испытана, как моя к тебе. **Розалинда:** Хорошо, я забуду свое положение и стану радоваться твоему.
8. **Целия:** Ты знаешь, что у моего отца нет детей, кроме меня, да, по всей вероятности, и не будет; нет сомнения, что после его смерти ты будешь его наследницей, потому что все то, что он взял у твоего отца силою, я отдам тебе по любви. Клянусь честью, отдам — и пусть я обращусь в чудовище, если нарушу эту клятву. Развеселись же, моя милая Роза, моя дорогая Роза! **Розалинда:** Да, с этой минуты, кузина, я буду весела и стану выдумывать забавы. Что ты скажешь, например, о том, чтобы влюбиться ради забавы? **Целия:** Отлично! Пожалуйста, сделай из любви забаву, но не влюбляйся ни в кого серьезно, да и шутку доводи только до той степени, чтобы иметь возможность выйти из нее с честью, сохранив ненарушенным румянец невинности.
9. **Розалинда:** Чем же мы станем забавляться? **Целия:** Сядем и насмешками сгоним почтенную матушку Фортуну с ее колеса, для того чтобы вперед она раздавала свои дары поровну. **Розалинда:** Мне хотелось бы, чтоб мы могли сделать, это, потому что ее благодеяния распределены крайне неправильно; особенно ошибается добрая слепая женщина при раздаче своих даров женщинам. **Целия:** Это правда: те, кого она делает красивыми, редко получают от нее добродетель, а те, кого она делает добродетельными, выходят из ее рук очень некрасивыми. **Розалинда:** Нет, говоря это, ты уже переходишь из области Фортуны в область Природы: Фортуна — владычица светских даров [*героиня путает Фортуну, колесо которой символизирует лишь непрочность земного счастья, с Роком или Парками, плетущими нить*

- человеческой судьбы], но не очертаний, производимых Природою. *Входит Оселок.* **Целия:** Будто? Разве, когда Природа производит красивое создание, Фортуна не может бросить его в огонь? Если Природа дала нам остроумие для того, чтобы насмеяться над Фортуной, то разве Фортуна не прислала сюда этого шута, чтобы прекратить наш разговор? **Розалинда:** Действительно, Фортуна слишком жестоко обращается с Природой, сокращая натуральной глупостью натуральный ум. **Целия:** Может быть, это сделала не Фортуна, а Природа, которая, заметив, что наши натуральные умы слишком тупы для того, чтобы рассуждать о таких богинях, послала сюда этого дурачка в виде оселка для нас, потому что всегда тупость дурака служит оселком для умного. Ну, умный человек, куда ты направляешься?
10. **Розалинда:** Где ты выучился этой клятве, шут? **Оселок:** У одного рыцаря, который клялся своей честью, что пирожки были хороши, и клялся своей честью, что горчица никуда не годилась. Я же утверждаю, что пирожки никуда не годились, а горчица была хороша. Тем не менее рыцарь не давал ложной клятвы. <...> **Целия:** Клянемся нашими бородами, если бы они у нас были, что ты плут. **Оселок:** Клянусь моим плутовством, если бы оно у меня было, я был бы плут. Но когда вы клянётесь тем, чего нет, то не даёте ложной клятвы; точно так же не клялся ложно рыцарь, когда клялся своею честью, ибо ее у него не было, или, если он и имел ее, то уничтожил клятвами задолго до того, как увидел эти пирожки и эту горчицу.
11. **Оселок:** Тем хуже, что дураки не имеют права говорить умно о глупостях, которые делают умные люди.
12. **Ле-Бо:** Вот пришел старик с тремя своими сыновьями... **Целия:** Я могла бы приделать это начало к какой-нибудь старой сказке.
13. **Розалинда:** Но разве остался еще кто-нибудь, желающий слышать в своих ребрах музыку хруста? Есть еще охотники до переломанных ребер? Так нам придется присутствовать при этой борьбе, кузен?
14. **Орландо:** Если я буду побит — срамом покроется здесь только тот, кто никогда не пользовался почетом; если убьют меня — умрет только тот, кто желал смерти. Я не причиню никакого огорчения моим друзьям, потому что у меня нет друзей, которые стали бы оплакивать меня; я не сделаю никакого вреда свету, потому что в нем я ничего не имею. В свете я занимаю только одно место, которое будет гораздо лучше наполнено, когда я очищу его.
15. **Карл:** Ну, ну где же этот юный молодец, так сильно желающий улечься рядом с своей матерью — землею?
16. **Орландо:** Ужели я не в силах им сказать: «Благодарю»? Прекраснейшие свойства Моей души повержены во прах, А то, что здесь нетронутым осталось, — Безжизненный обрубок.
17. **Орландо:** Я крайне вам обязан навсегда. Прощайте. *Ле-Бо уходит.* Ну, теперь, как видно, должен Я из огня да в полымя идти: От герцога-тирана прямо к брату — Тирану. Розалинда, ангел мой!
18. **Целия:** Ну, кухня, ну, Розалинда!.. Купидон да сжалится над нами! Неужели ни одного слова? **Розалинда:** Ни одного, чтоб бросить собаке. **Целия:** Нет, твои слова слишком драгоценны для того, чтоб их бросать собакам; брось часть их мне. Ну затрави меня доводами рассудка. **Розалинда:** Если бы я это сделала, обе кухни пропали бы: одну изувечил бы рассудок, а другая сошла бы с ума от его отсутствия.
19. **Целия:** И это все из-за твоего отца? **Розалинда:** Нет, кое-что из-за дочери моего отца. О, как наполнен терниями этот будничный свет! **Целия:** Это только репейники, кухня, брошенные на тебя в разгаре праздничного веселья. Когда мы ходим не по нехоженным тропинкам, они цепляются за наше платье. **Розалинда:** С платья я всегда могу их сбросить, но тут шипы засели в моем сердце. **Целия:** Вырви их. **Розалинда:** Я попыталась бы, если б знала, что это легко сделать. **Целия:** Ну полно, полно; борись со своими чувствами. **Розалинда:** Ах, они приняли сторону лучшего борца, чем я. **Целия:** Желаю тебе успеха. В свое время ты попытаешься потягаться с этим борцом, рискуя даже поражением. Однако шутки в сторону и поговорим серьезно.
20. **Целия:** Неужели правда, что так внезапно ты ощутила столь сильную привязанность к младшему сыну старика Роланда? **Розалинда:** Герцог, отец мой, горячо любил его отца.

- Целия:** Так разве из этого следует, что ты должна горячо любить его сына? По такой логике мне бы следовало ненавидеть его, потому что мой отец сильно ненавидел его отца — а между тем я не ненавижу Орландо. **Розалинда:** Да, не ненавидь его ради меня.
21. **Розалинда:** Униженно прошу я вашу светлость Позволить мне с собою унести Познание вины моей. Коль знаю Отчетливо я самое себя, И сознаю свои желанья ясно, И бодрствую, и не сошла с ума, В чем я вполне убеждена, — то, дядя Мой дорогой, ручаюсь смело вам, Что никогда, ничем, ни даже мыслью, Не вышедшей на свет из мозга, я Еще не оскорбила вашу светлость. **Фридрих:** Так говорят изменники всегда. Когда б слова их душу очищали, Невинностью равнялись бы они С святынею. Довольствуйся одною Причиною: не верю я тебе. **Розалинда:** Однако же такое недоверье Изменницей не делает меня. Скажите мне, на чем улики ваши Основаны? **Фридрих:** Ты — твоего отца Родная дочь, и этого довольно.
22. **Фридрих:** Нет, для тебя она хитра чрез меру; Терпение ее, молчанье даже И кроткий нрав народу говорят, И жалость к ней он чувствует. Ты дура! Ведь у тебя она ворует имя, И будешь ты и более блистать, И более пленительной казаться, Когда она уйдет от нас. Итак, Не раскрывай ты губ. Тверд, непреложен Тот приговор, который произнес Над нею я: она идет в изгнание.
23. **Розалинда:** Ах, опасно Нам, девушкам, в такой далекий путь Отправиться! Ведь красота сильнее, Чем золото, влечет к себе воров.
24. **Розалинда:** Не лучше ль Мне, поскольку я довольно высока, Одеться с ног до головы мужчиной, Красивый меч привесивши к бедру И в руки взяв охотничью пику? Тогда — хотя б в душе моей лежал Весь страх, какой таится в женском сердце, — У нас, поверь, такой же будет вид, Воинственный и гордый, как у многих Трусливейших мужчин, в которых страх Скрывается под внешностью притворной.
25. **Целия:** Идем, и пусть сердца нам радость наполняет: Нас не изгнание — свобода ожидает.
26. **Герцог:** А не пойти ль теперь За дичью нам? Хоть тяжело мне, право, Что этих глупых, пестрых бедняков, Туземных горожан пустыни этой, В их собственных владеньях здешних мы Колючими стрелами настагаем И раним в кровь их круглые бока. **Первый вельможа:** Вот этим-то и огорчен ужасно Наш меланхолик Жак; клянется он, Что в этом отношенье, ваша светлость, Вы более не правы, чем ваш брат, Изгнавший вас. Сегодня с Амиеном Мы спрятались нарочно близ него, Когда лежал врастяжку он под дубом, Которого разросшиеся корни Вошли в ручей, журчащий в этом лесе. Туда пришел страдать бедняк-олень, Пораненный охотничьей стрелою; И, верьте мне, светлейший герцог, так Несчастное животное стонало, Что кожаный покров его костей Растягивался страшно, точно лопнуть Готов был он; и жалобно текли Вдоль мордочки его невинной слезы, Большущие и круглые, одна Вослед другой. Так волосатый дурень У самого ручья на берегу Стоял, его слезами наполняя, А между тем глаз не спускал с него Меланхоличный Жак. **Герцог:** Но что ж такое Жак говорил? Картину эту он Не сделал ли нравоучений темой? **Первый вельможа:** О да, и те нравоученья он Высказывал во множестве сравнений. Так, например, при виде стольких слез, Терявшихся в ручье без всякой пользы, Он говорил: «Бедняк, подобно людям, Ты делаешь духовную теперь, Тому свое богатство отдавая, Кто без того достаточно богат». И вслед за тем, при мысли, что оленя Оставили лохматые друзья, Что он один, беспомощный, скитался, Жак говорил: «Да, это так всегда: Товарищей несчастье прогоняет». Вдруг несколько оленей перед ним Промчались, веселы и сыты, И ни один привета не послал Несчастному. «Ну да, бегите мимо! — Воскликнул Жак. — Бегите поскорей, Вы, сытые, зажиточные люди! Таков уж свет! Ну стоит ли смотреть На жалкого, несчастного банкрота!» Так он пронзал упреками насквозь Быт городской, и сельский, и придворный, И даже жизнь, которую ведем Мы с вами здесь; он клялся, что мы просто Разбойники, тираны, хуже их, И это оттого, что мы пугаем И даже бьем животных в тех местах, Где их сама природа поселила.
27. **Герцог:** Ведите Меня туда. Люблю я приходить К нему, когда он мрачно так настроен: Страдания рождают Множество глубоких мыслей в нем.
28. **Адам:** Есть род людей — известно это вам, — Которые в своих душевных свойствах Себе врагов находят; из таких Людей и вы.

29. **Адам:** Пятьсот Дукатов я имею; эту сумму Ничтожную собрал на службе я У вашего отца. Ее с той целью Я приберег, чтоб мне она была Заботливой сиделкою в то время, Когда придут в не действие мои Одряхнувшие ноги и с презреньем Жизнь старика забросят люди в угол.
30. **Адам:** Позвольте мне слугой остаться вашим; Я стар на вид, но крепок я и бодр, Затем что кровь я в юности ни разу Напитками горячими не портил И никогда бесстыдно не искал Средств ослаблять и разрушать все силы. Вот почему и старчество мое — Здоровая зима; она морозна, Но действует живительно.
31. **Орlando:** О добрый мой старик! Как хорошо Является в тебе все постоянство Тех прежних лет, когда не из корысти Слуга служил, а по одной любви! Не создан ты по нашей новой моде, Когда никто не хочет даром труд Свой отдавать, и только лишь награда Получена, усердие тотчас Кончается в принявшем воздаянье. Ты не таков.
32. **Адам:** От юношеских лет живу здесь, а теперь Под восемьдесят мне; но больше в эту дверь Я не хочу входить: семнадцать лет беспечно Всяк ищет счастья, в мои ж года, конечно, Поздненько уж за ним бежать.
33. **Розалинда:** А я бы готова опозорить мое мужское платье и расплакаться как женщина, но должна поддерживать более слабый сосуд, потому что камзол и штаны обязаны подавать пример бодрости юбке. Итак, мужайся, добрая Алиена!
34. **Розалинда:** Итак, вот Арденнский лес. **Оселок:** Да, вот я и в Арденнском лесу — и все-таки такой же дурак как прежде, если не больше. Дома мне было лучше; но путешественники должны быть всем довольны.
35. **Оселок:** Я помню, что когда я был влюблен, то разбил свою шпагу о камень, объявив ей, что сделал это для того, чтоб отучить ее ходить по ночам к Жанете. И я помню, как я целовал ее скалку и вымя коровы, которое выдоили ее хорошенькие растрескавшиеся руки. И я помню, как я однажды ласкал и миловал гороховый стручок вместо нее и, вынув оттуда две горошины, отдал их ей и сказал с горячими слезами: «Носите их ради меня». Наш брат, истинный влюбленный, подвержен страшным прихотям; но как все в природе смертно, так всякая влюбленная натура заражена смертельным безумием. **Розалинда:** Ты говоришь умно, сам не замечая этого.
36. **Корин:** Мой господин суров и груб; он мало Заботится о том, чтоб в небо путь Открыть себе гостеприимством теплым.
37. **Жак:** Ну если я когда-нибудь поблагодарю кого-нибудь, так этот кто-нибудь будете вы. То, что люди называют комплиментом, похоже на гримасы, которые строят друг другу две обезьяны, а когда человек благодарит меня от души, мне кажется, что я подал ему грош и что он благодарит меня как нищий.
38. **Орlando:** Как, уже, Адам? Только у тебя и хватило мужества? Поживи немного, поддержи себя немного, развеселись немного. Если в этом суровом лесу живет какой-нибудь дикий зверь, то или он съест меня, или я принесу его тебе в пищу. Ты ближе к смерти по воображению, чем по силам. Ободришь из любви ко мне; не подпускай еще некоторое время смерть к своему телу. Я сейчас же вернусь к тебе, и если не принесу тебе чего-нибудь поесть, то дам тебе позволение умереть. Но если ты умрешь прежде, чем я возвращусь, — значит, ты издеваешься над моими стараниями.
39. **Жак:** «Здорово, шут!» — сказал я. «Нет уж, сударь, — Он отвечал, — не называйте вы Меня шутом, пока богатства небо Мне не пошлет». Затем полез в карман И, вытащив часы, бесцветным взглядом На них взглянул и мудро произнес «Десятый час! — И вслед за тем прибавил: — Здесь видим мы, как двигается мир: Всего лишь час назад был час девятый, А час пройдет — одиннадцать пробьет; И так-то вот мы с каждым часом зреем, И так-то вот гнием мы каждый час. И тут конец всей сказочке». Чуть только Услышал я, что этот пестрый шут О времени так рассуждает — печень Моя сейчас запела петухом От радости, что водятся такие Мыслители среди шутов, и я Час целый по его часам смеялся.
40. **Жак:** О, когда бы Мне стать шутом! Я в куртке пестрой Свое все честолубье заключаю. **Герцог:** И ты ее получишь. **Жак:** Мне к лицу Она одна — но только с уговором, Чтоб вырвали из здоровой головы Вы мнение, в ней севшее глубоко, Что я умен. Свободу вы должны Мне дать во всем, чтоб я, как вольный ветер, Мог дуть на все, на что я захочу, Как

все шуты; и те, кого я буду Сильней колоть, должны и хохотать Сильней других. Какая же причина, Мессир, тому? Причина так пряма, Как в сельский храм ведущая дорожка: Тот человек, которого сразит Шут остротой, нелепо поступает, Когда удар, как он жесток ни будь, Не с полным равнодушьем переносит; Иначе все, что глупо в мудреце, От шутовских ударов обнажится. Попробуйте натянуть на меня Костюм шута, позвольте мне свободно Все говорить, и я ручаюсь вам, Что вычищу совсем желудок грязный Испорченного мира, лишь бы он С терпением глотал мое лекарство. **Герцог:** Фи, знаю я, что стал бы делать ты. **Жак:** Да ничего дурного, без сомненья. **Герцог:** Карая грех, ты этим бы свершал Страшнейший грех: ведь сам ты был распутным, И чувственность была в тебе сильна, Как похоть зверская; и так все язвы, Недуги все, которые схватил Ты, шляся везде, распространил бы Ты по свету. **Жак:** Как, разве человек, Тщеславие бранящий, этим самым И личности отдельные бранит? Тщеславие обширно ведь, как море, И волны так вздымает высоко, Что наконец не может удержаться — И падает. Когда я говорю, Что многие из наших горожанок Несметные сокровища несут На недостойном теле — разве этим На личность я указываю? Где Та женщина, которая мне скажет, Что именно о ней я говорил, Когда ее соседка с нею схожа? Скажите ж мне, понять мне дайте, Язык мой мог обидеть человека? Коли я в цель попал, так оскорбил Он сам себя; коли он чист душою, То мой укор по воздуху летит, Как дикий гусь, в котором не имеет Никто нужды.

41. **Герцог:** Вот видишь: несчастные не мы одни. На мировой, необозримой сцене Являются картины во сто раз Ужаснее, чем на подмостках этих, Где мы с тобой играем.
42. **Жак:** Весь мир — театр; В нем женщины, мужчины, все — актеры; У каждого есть вход и выход свой. И человек один и тот же роли Различные играет в пьесе, где Семь действий есть [*деление человеческой жизни на семь возрастов во времена Шекспира и после считалось неоспоримым научным фактом. Тема семи возрастов человека была очень популярным сюжетом, особенно в изобразительном искусстве*]. Сначала он ребенок, Пищущий и ревущий на руках У нянюшки; затем — плаксивый школьник, С блистающим, как утро дня, лицом И с сумочкой ползущий неохотно, улиткой, в школу; потом Любовник он, вздыхающий, как печка, Балладой жалостною в честь бровей Возлюбленной своей; затем он воин, Обросший бородой, как леопард, Наполненный ругательствами, честью Ревниво дорожащий и задорный, За мыльным славы пузырем готовый Влезть в самое орудия жерло. Затем уже он судья, с почтенным Животиком, в котором каплуна Отличного запрятал, с строгим взором, С остриженной красиво бородой, Исполненный мудрейших изречений И аксиом новейших — роль свою Играет он. В шестом из этих действий Является он высохшим паяцем, С очками на носу и с сумкой сбоку; Штаны его, что юношей еще Себе он сшил, отлично сохранились, Но широки безмерно для его Иссохших ног; а мужественный голос, Сменившийся ребяческим дискантом, Свист издает пронзительно-фальшивый. Последний акт, венчающий собой Столь полную и сложную историю, Есть новое младенчество — пора Беззубая, безглазая, без вкуса, Без памяти малейшей, без всего.
43. **Корин:** Ну как вам нравится, почтеннейший Оселок, эта пастушеская жизнь? **Оселок:** Сказать по правде, пастух, рассматриваемая сама по себе, она — хорошая жизнь; но рассматриваемая как жизнь пастушеская, она ровно ничего не стоит. По своей уединенности она мне очень нравится, но по своей отчужденности она мне кажется самой паскудной жизнью. Как жизнь сельская, она мне очень по сердцу; но, принимая во внимание, что она проходит вдали от двора, я нахожу ее очень скучной. Как жизнь воздержанная, она, видите ли, вполне соответствует моим наклонностям, но как жизнь, лишенная изобилия, она совершенно противоречит моему желудку.
44. **Оселок:** Пастух, ты был когда-нибудь при дворе? **Корин:** Нет, не был. **Оселок:** Ну так ты будешь ввержен в геенну огненную. **Корин:** Надеюсь, что не буду. **Оселок:** Непременно будешь и сгоришь, как дурно поджаренное яйцо, — только с одной стороны. **Корин:** За то, что я не был при дворе? Почему же это? **Оселок:** Потому, что если ты никогда не был при дворе, то никогда не видел хороших манер; а если ты никогда не видел хороших манер, то твои манеры должны быть дурны; а что дурно, то грех; а за грех идут в ад. Ты в опасном положении, пастух. **Корин:** Нисколько, Оселок. Те манеры, которые считаются хорошими

при дворе, смешны в деревне, точно так же, как манеры деревенские очень смешны при дворе. Вы сказали мне, что при дворе люди при встрече не кланяются друг другу, а посылают друг другу воздушные поцелуи, целуя кончики своих пальцев; это обыкновение было бы весьма нечистоплотно, если б придворные были пастухами.

45. **Корин:** Сударь, Я простой поденщик; я зарабатываю то, что съедаю, приобретаю то, что ношу, ни к кому не имею ненависти, не завидую ничьему счастью, радуюсь благополучию других людей, мирюсь со своим бедственным положением и заключаю все мое самолюбие в том, чтоб видеть, как мои овцы пасутся, а ягнята их сосут.
46. **Розалинда** (*читает*) «Нет среди обеих Индий Камня краше Розалинды; Ветер по свету разносит Быстро славу Розалинды; Блеск прекраснейших портретов Меркнет перед Розалиндой. Позабудьте всех красавиц, Кроме милой Розалинды!» **Оселок:** Я вам буду рифмовать таким образом восемь лет кряду, исключая часы обедов, ужинов и сна Эти стихи — точь-в-точь рысь торговки маслом, когда она спешит на рынок.
47. **Целия:** О, удивительно, удивительно, удивительнейшим образом удивительно! И опять-таки удивительно, и выше всякого описания удивительно!
48. **Розалинда:** Вот горе-то! Что же я теперь стану делать с моим камзолом и панталонами? Что он делал, когда ты увидела его? Что он сказал? Как он выглядел? Как был одет? Зачем он здесь? Спрашивал ли он обо мне? Где он живет? Как он расстался с тобой? Когда ты опять увидишься с ним? Отвечай мне на все это одним словом. **Целия:** Добудь мне прежде рот Гаргантюа, потому что слово, которого ты требуешь, слишком велико для какого бы то ни было рта нашего времени. Ответить «да» и «нет» на все твои вопросы заняло бы больше времени, чем ответ на все вопросы Катехизиса.
49. **Целия:** Он лежал под этим деревом, растянувшись, как раненый рыцарь. **Розалинда:** Как ни печально такое зрелище, оно, должно быть, очень красиво.
50. **Целия:** Я хотела бы спеть мою песню без постороннего аккомпанемента. Ты сбиваешь меня с тона. **Розалинда:** Разве ты не знаешь, что я женщина? Когда у меня есть мысль, я должна ее высказать. Продолжай, милая.
51. **Жак:** Пожалуйста, не портите деревьев вырезываньем на их коре любовных песен. **Орландо:** Пожалуйста, не портите моих стихов, читая их так дурно.
52. **Жак:** Вашу возлюбленную зовут Розалиндою? **Орландо:** Да. **Жак:** Мне не нравится это имя. **Орландо:** Вам не думали нравиться, когда ее крестили.
53. **Жак:** У вас быстрый ум; я полагаю, что он сделан из пяток Аталанты. Не хотите ли сесть подле меня, и мы станем вдвоем ругать нашу госпожу — вселенную и все наши бедствия. **Орландо:** Я не буду бранить никого в мире, кроме себя, за которым знаю много недостатков. **Жак:** Самый худший недостаток ваш в том, что вы влюблены. **Орландо:** Это недостаток, которого я не променяю на вашу лучшую добродетель. Вы надоели мне.
54. **Жак:** Уверяю вас, что я искал шута, когда встретил вас. **Орландо:** Шут утонул в ручье: посмотрите в воду — и вы увидите шута.
55. **Розалинда:** Скажите, пожалуйста, который час? **Орландо:** Вам бы следовало спросить, какое время дня, потому что в лесу нет часов.
56. **Орландо:** Отчего же не быстрый ход времени? Это выражение было бы, кажется, не менее верно? **Розалинда:** Совсем нет. Время идет различным шагом с различными лицами. Я вам могу сказать, с кем оно подвигается тихим шагом, с кем бежит рысью, с кем мчится галопом и с кем стоит на месте. **Орландо:** Ну скажите, пожалуйста, с кем оно бежит рысью? **Розалинда:** Бежит оно беспокойной рысью с молодой девушкой в промежуток между подписанием брачного контракта и днем свадьбы. Будь этот промежуток хоть семидневный, рысь времени так беспокойна, что для ждущего он кажется семилетним. **Орландо:** А с кем время идет шагом? **Розалинда:** Со священником, который не знает по-латыни, и с богачом, у которого нет подагры: первый спит безмятежно, потому что не может заниматься, а второй живет весело, потому что не испытывает никаких страданий; первому незнакома ноша сухой и изнуряющей науки, второй не знает бремена печальной и тяжелой нищеты. Вот с кем время идет шагом. **Орландо:** С кем же оно мчится галопом? **Розалинда:** С вором, которого ведут на виселицу, потому что, как бы тихо ни продвигался он, ему все кажется, что он

придет слишком скоро. **Орландо:** С кем оно стоит на месте? **Розалинда:** С законоведами во время судебных каникул, потому что от закрытия судов до открытия они спят и, следовательно, не замечают движения времени.

57. **Розалинда:** Живу с этою пастушкой, моей сестрой, здесь, на опушке леса, как бахрома на краю юбки.
58. **Орландо:** В твоей речи есть нечто утонченное, чего ты не мог приобрести в такой уединенной местности.
59. **Розалинда:** В вас нет ни одного из признаков, о которых говорил мой дядя; он учил меня, как узнавать влюбленного человека, и я уверен, что вы не сидите пленником в этой клетке. **Орландо:** Какие же это признаки? **Розалинда:** Исхудалые щеки, которых у вас нет; синева под глазами, которой у вас нет; молчаливость, которой у вас нет; не расчесанная борода, которой у вас нет; но это последнее я вам прощаю, потому что, правду сказать, бородою вы не богаче, чем какой-нибудь младший брат доходами. Потом ваши чулки должны бы быть без подвязок, ваша шапка — без завязок, ваши рукава — без пуговиц, ваши башмаки — без застежек, и, вообще, все в вас должно было бы обличать неряшливое отчаяние. Но в вас ничего этого нет; вы скорее одеты щегольски и похожи на человека, который влюблен в самого себя, а не в кого-нибудь другого.
60. **Одри:** Так вы не хотели бы, чтоб я была честна? **Оселок:** Нет, хотел бы только в том случае, если бы ты была гадка лицом, потому что честность, соединенная с красотой, то же, что медовая подливка к сахару. **Жак:** (в сторону) Глубокомысленный шут! **Одри:** Ну, а так как я не хороша, то прошу богов сделать меня честной. **Оселок:** Положим; но давать честность грязному уроду все равно, что подносить хорошее кушанье на грязном блюде. **Одри:** Я не грязная, несмотря на то что, благодаря богам, безобразна.
61. **Оселок:** (в сторону) Мне кажется, что этот повенчал бы меня лучше, чем всякий другой, потому что, как кажется, он не способен повенчать меня хорошо; а коли я буду нехорошо повенчан, то это послужит для меня впоследствии оправдательным поводом бросить мою жену.
62. **Розалинда:** Замолчи, я хочу плакать. **Целия:** Плачь, пожалуй, но соблаговоли принять во внимание, что слезы неприличны мужчине.
63. **Розалинда:** О да, пойдем скорей туда; влюбленных вид Поддерживает тех, кто страстью сам горит.
64. **Розалинда:** (подходя) А почему же это? Какая мать вас родила, что вы Поносите и мучите несчастных? Хотя б и не были вы красотой Наделены, — а, говоря по правде, По-моему, настолько лишь собой Вы хороши, насколько это нужно, Чтоб без свечи укладываться спать, — Так разве в ней могли б иметь вы повод К надменности и жесткости. Ну что ж? Что на меня вы смотрите? Поверьте, В моих глазах ничем не лучше вы, Чем дюжинный товар природы. Жизнью Моей клянусь — мне кажется, она Мои глаза взять тоже в плен желает! Ну нет, моя надменная мамзель, Вам это не удастся, не надейтесь! Не вашим волосам, как черный шелк, И не бровям чернильным, и не белым Как молоко щекам, и не глазам Агатовым — не им благоговенье К вам поселить в душе моей. А ты, Глупец-пастух, к чему ты неотступно Следишь за ней, как ветер южных стран, Наполненный дождями и туманом? Ведь как мужчина ты в сто тысяч раз Красивее ее. Такие дурни, Как ты, пастух, и населяют мир Уродами-детьми. Ей льстит, конечно, Не зеркало ее, а ты. Она Благодаря тебе себя считает Красивее, чем можно по лицу Ее судить. Но, милая, старайтесь Узнать себя; колени преклонить Вам следует, поститься и от сердца Благодарить Творца за то, что любит Вас честный человек; я тихо, По-дружески скажу вам: продавайтесь, Коль случай есть; не всякий купит вас. Любите же его, не отвергайте Его руки, молитесь, чтобы вас Он пощадил. Несносно безобразье, Когда к нему прибавится еще Нахальство чванное. Бери ж скорее Ее, пастух! Ну, а затем прощай! **Феба:** Прошу тебя, о юноша прекрасный, Брани меня хоть целый год. Твои Упреки мне милей его признаний. **Розалинда:** Он влюбился в ее безобразие, а она вот влюбляется в мой гнев. (Сильвию.) Если так — каждый раз, как она будет отвечать тебе суровыми взглядами, я буду наделять ее сердитыми словами.
65. **Розалинда:** Говорят, что вы меланхоличный малый. **Жак:** Это правда; по-моему, быть таким

лучше, чем хохотать. **Розалинда:** Люди, которые придерживаются одной из этих крайностей, — отвратительны и больше, чем пьяницы, вызывают общие насмешки. **Жак:** Да разве не хорошо быть угрюмым и не говорить ни слова? **Розалинда:** Ну так, значит, хорошо быть бревном. **Жак:** Моя меланхолия не меланхолия студента, у которого это настроение не что иное, как соревнование; и не музыканта, у которого оно фантастичность; и не придворного, у которого оно тщеславие; и не солдата, у которого оно честолюбие; и не законоведа, у которого оно политическая хитрость; и не женщины, у которой оно притворство; и не любовника, у которого оно — все эти чувства, взятые вместе. Моя меланхолия — совершенно особая, собственно мне принадлежащая, составленная из многих веществ и извлеченная из многих предметов, и на самом деле есть результат размышлений о моих странствиях — размышлений, в которые я часто погружаюсь и которые пропитывают меня самой юмористической грустью. **Розалинда:** Вы путешественник? Ну так, действительно, вы имеете большое основание быть грустным. Очень может быть, что вы продали свои собственные земли, чтоб увидеть земли других людей. В таком случае много увидеть и самому не иметь ничего — значит, быть с богатыми глазами и бедными руками. **Жак:** Да, я хорошо заплатил за мой опыт. **Розалинда:** И ваш опыт делает вас грустным! Я бы желал лучше иметь неведение, которое давало бы мне веселость, чем опыт, который наводил бы на меня грусть. И для этого еще странствовать!

66. **Розалинда:** Нет, умрите лучше по доверенности. Наш бедный мир существует уже почти шесть тысяч лет, и во все это время ни один человек не умер сам по себе в деле любви. Троилу раздробила мозг греческая палица, а между тем до того он делал все возможное, чтобы умереть, — он, который может служить образцом влюбленного. Леандр прожил бы много прекрасных лет — пойдя Геро хоть в монастырь, — если бы не уморила его одна жаркая летняя ночь: добрый юноша вошел в Геллеспонт только для того, чтоб выкупаться, но схватил судорогу и утонул; а глупые летописцы его времени приписали эту смерть Геро из Сестос. Все это ложь; люди время от времени умирали, и черви ели их, но все это делалось не от любви.
67. **Орlando:** И ты согласна взять меня? **Розалинда:** Да, и еще двадцать таких, как ты. **Орlando:** Что ты говоришь? **Розалинда:** Да ведь вы хороший человек? **Орlando:** Надеюсь. **Розалинда:** Ну а можно ли не желать иметь много хорошего?
68. **Розалинда:** Я могла бы потребовать у вас разрешительного свидетельства; но я и без него беру тебя, Орlando, в мужья. Вот невеста и опередила священника: несомненно, что мысли женщины всегда обгоняют ее действия. **Орlando:** Точно так же и мысли всех; они крылаты.
69. **Розалинда:** Теперь скажите мне, сколько времени вы захотите владеть ею после того, как получите ее? **Орlando:** Вечно и один день. **Розалинда:** Скажите «один день» и отбросьте «вечно». Нет-нет, Орlando, мужчины — апрель, когда они ухаживают, и декабрь — после того как женятся; девушки — май, пока они девушки, но погода изменяется, когда они становятся женщинами. Я буду ревновать тебя сильнее, чем варварийский голубь ревнует свою голубку, буду крикливее попугая под дождем, прихотливее обезьяны, сладострастнее орангутанга. Я буду плакать из-за малейших пустяков, как Диана у фонтана [*в Лондоне за несколько лет до написания Шекспиром этой пьесы был сооружен фонтан со скульптурой богини Дианы, из глаз которой в бассейн лилась вода*], и это в то время, когда ты будешь расположен к веселости; буду хохотать, как гиена, и это в то время, когда тебя будет одолевать сон.
70. **Розалинда:** Клянусь жизнью, она будет поступать так, как я. **Орlando:** Но ведь она умна. **Розалинда:** Да, иначе у нее не хватило бы ума, чтобы делать это. Чем умнее женщина, тем она хитрее. Затвори дверь женскому уму — он вылетит в окно; заколоти окно — он пролезет в замочную скважину; заделай ее — он улетит с дымом в трубу. **Орlando:** Человек, которому досталась бы жена с таким умом, мог бы спросить: «Ум, куда ты лезешь?» **Розалинда:** Нет, этот вопрос вы могли бы прибавить до тех пор, пока не увидели бы, что ум вашей жены взбирается на постель вашего соседа. **Орlando:** Но у какого ума хватило бы ума, чтоб оправдаться в этом? **Розалинда:** Вот пустяки! Она сказала бы, что полезла туда вас искать. Вы никогда не оставите ее без ответа, разве уж она будет без языка. О, те женщины,

которые не умеют взваливать свои проступки на своих мужей, не должны никогда сами кормить своих детей, потому что они будут делать их дураками.

71. **Целия:** Ты в своей любовной болтовне наклепала ужасные вещи на наш пол. За это стоило бы поднять тебе на голову твой камзол и панталоны, чтобы показать миру, как птица поступила со своим собственным гнездом.
72. **Розалинда:** Да слог его совсем Отчаянный и дикий; дуэлисты Лишь пишут так; ведь на меня она Восстала так, как восстают лишь турки На христиан. Прелестный женский мозг Не мог создать таких мужицки грубых, Ужаснейших и эфиопских слов, Которые черней своим значеньем, Чем внешностью. Хотите, я прочту?
73. **Розалинда:** Но что же Орlando? Он оставил там его Добычею голодной, тощей львицы?
Оливер: Два раза он сбирался уходить; Но доброта, что благородней мести, Взяла в нем верх, а справедливый гнев Осилила природа
74. **Оливер:** Это я — Но не теперь, а прежде. Не стыжусь Сознаться вам, кем был я — с той поры, Как поворот в душе моей так сладко Мне говорит, кем стал я.
75. **Оливер:** Ободритесь, молодой человек... Какой же вы мужчина после этого! У вас не мужское сердце. **Розалинда:** Да, я сознаюсь в этом... А что, сударь, ведь каждый сказал бы, что это было отлично сыграно. Пожалуйста, расскажите вашему брату, как я хорошо разыграл эту сцену. Ха-ха! **Оливер:** Это было не притворство. Цвет вашего лица слишком хорошо доказывает, что вы были серьезно взволнованы. **Розалинда:** Уверю вас, что я притворялся. **Оливер:** Ну, в таком случае ободритесь и играйте роль мужчины. **Розалинда:** Это я и делаю; но, по всей справедливости, мне бы следовало родиться женщиной.
76. **Оселок:** Меня хлебом не корми и воды не давай, только неучей показывай. Право, нам, умным людям, придется за многое отвечать. Мы то и дело насмехаемся; никак не можем удержаться от этого.
77. **Оселок:** Который тебе год, приятель? **Уильям:** Двадцать пять лет, сударь. **Оселок:** Зрелый возраст.
78. **Оселок:** «Так себе» — удачно сказано, превосходно сказано, а впрочем, нет, это только так себе. Ты умен? **Уильям:** Точно так, сударь, я очень умен. **Оселок:** Славно ты отвечаешь. Теперь я вспоминаю поговорку: «Дурак считает себя умным, а умный признает себя дураком».
79. **Оселок:** Дай мне свою руку. Ты ученый? **Уильям:** Нет, сударь. **Оселок:** Так выучись у меня вот чему: иметь — значит иметь. Когда говорят, что жидкость, переливаемая из кубка в стакан, опорожняющая первый, наполняет второй, то это риторическая фигура, потому что все ваши писатели согласны, что *ipse* [*сам, он самый (лат.)*] — это он самый; но ты не *ipse*, потому что он самый — я. **Уильям:** Какой это он самый? **Оселок:** Тот он самый, который должен жениться на этой женщине. Вот почему, деревенский неуч, покинь — то есть, говоря низким слогом, оставь — сообщество — то есть, говоря деревенским слогом, компанию — этой самки, то есть, говоря обыкновенным слогом, этой женщины. А все это вместе значит, покинь сообщество этой самки или, дружок, ты погибнешь; или, чтобы выразиться понятнее для тебя, ты умрешь; именно, я убью тебя, уничтожу, обращу твою жизнь в смерть, твою свободу — в рабство; я употреблю против тебя яд, или палочные удары, или стальное оружие; я соберу против тебя партию, я одолею тебя политической хитростью, я умерщвлю тебя ста пятьюдесятью способами. Поэтому трепещи и проваливай.
80. **Орlando:** Они обвенчаются завтра, и я приглашу герцога на свадьбу. Но, ах, как горько видеть счастье глазами других! Завтра я тем более буду повержен в отчаяние, чем более буду видеть своего брата счастливым обладателем предмета его желаний.
81. *Входят Сильвий и Феба.* Вот идут влюбленная в меня и влюбленный в нее.
82. **Феба (Розалинде)** За что же ты любовь мою позоришь? **Сильвий (Фебе)** За что же ты любовь мою позоришь? **Орlando** За что же ты любовь мою позоришь? **Розалинда** К кому вы обратились, говоря: «За что же ты любовь мою позоришь?»
83. **Оселок:** Сказать вам правду, мои милые юноши, хотя слова вашей песни не особенно умные, но спета она была очень скверно. **Первый паж:** Вы ошибаетесь, мы соблюдали темп как следует, не сбивались с такта. **Оселок:** Рассказывайте! Я поступил совершенно бестактно

тем, что прослушал такую глупую песню. Да сохранит вас Бог и да исправит он ваши голоса! Поидем, Одри. *Уходят.*

84. **Герцог:** И веришь ты, Орландо, что исполнит Твой мальчик все, обещанное им? **Орландо:** То верю я, то очень сомневаюсь, Как человек, боящийся надежды И все-таки питающий ее.
85. *Входят Оселок и Одри.* **Жак:** Должно быть, приближается новый потоп, что эти пары идут в ковчег. Вот является пара очень странных животных, которые на всех языках называются дураками.
86. **Жак:** Сколько же раз вы сказали, что его борода нехорошо острижена? **Оселок:** Я не посмел пойти дальше условной улики, а он не посмел дать мне улику прямую. Таким образом, мы померились мечами и разошлись.
87. **Оселок:** Слово «если» — единственный умиротворитель; в «если» заложена большая сила. **Жак:** Ну не редкостный ли это человек, ваша светлость? Вот такой же он молодец во всем, а между тем он шут. **Герцог:** Его шутовство служит ему только ширмой, из-за которой он пускает стрелы своего остроумия.
88. **Розалинда:** (*к публике*) Мы не привыкли видеть женщину в эпилоге; но это нисколько не неприличней выхода мужчины в прологе. Если справедлива поговорка, что «хорошее вино не нуждается в ярлыке», то точно так же несомненно, что для хорошей пьесы не нужен никакой эпилог. Однако ж к хорошему вину обыкновенно привешивают хорошие ярлыки, а хорошие пьесы кажутся еще лучше при помощи хороших эпилогов. Каково же мое положение, когда я не хороший эпилог и не могу похлопотать у вас в пользу хорошей пьесы? Я не одета, как нищий, и поэтому мне не идет нищенствовать. Единственный способ, остающийся мне, — умолять вас, и я начну с женщин. О женщины! Любовью, которую вы питаете к мужчинам, заклинаю вас одобрить в этой пьесе то, что им понравится. Вас же, о мужчины, заклинаю любовью, которую вы питаете к женщинам, — а по вашим улыбкам я замечаю, что ни один из вас не ненавидит их, — сделать так, чтобы пьеса понравилась вам и женщинам. Будь я женщиной [*во времена Шекспира женские роли исполнялись мужчинами*], я расцеловала бы всех, чьи бороды мне нравятся, чей цвет лица приходится мне по вкусу и чье дыхание мне не противно; и я остаюсь в убеждении, что все, обладающие красивыми бородами, или прекрасным лицом, или приятным дыханием, не откажутся, в награду за мое милое предложение, ответить на мой поклон прощальным приветом.

Конец текста